

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ
ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ
2022/23 УЧЕБНОГО ГОДА

ЛИТЕРАТУРА

Предмет	шифр	Класс	Всего баллов	Количество баллов за задание												
				Первый тур										Второй тур		
				1 Задание	2 Задание	3 Задание	4 Задание	5 Задание	6 Задание	7 Задание	8 Задание	9 Задание	10 Задание	Тесты	Практика	
Литература	011-17		85	70	15											

Председатель *Г. Карасова И. И.*

Члены
С. Г. Толмачева Т. В.
В. В. Кизилова А. В.
М. С. Сироткина А. В.
Е. В. Демкина Е. В.
М. М. Мухоморова А. М.

Ставропольский край
Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
2022/23 учебный год
Литература
11 класс

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения – 270 минут. Вы выбираете ОДИН вариант из предложенных (анализ поэтического ИЛИ прозаического текста). Творческое задание – обязательно.

Максимальный балл за оба задания (анализ текста и творческое) – 100 баллов.

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;*
- обдумайте и сформулируйте ваши ответы;*
- не забывайте, что единственно верного ответа не может быть, важно, чтоб ответ соответствовал заданию и критериям, опираясь на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительна и аргументирована;*
- после выполнения всех заданий обязательно проверьте себя.*

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ
(целостный анализ художественного текста)

Вариант 1

Внимательно прочтите текст и дайте его целостный анализ. Почему он так называется? Что вы знаете об этом жанре? Определите тему и идею предложенного произведения, охарактеризуйте систему персонажей, сюжетно-композиционные особенности, язык и стиль. Как вы понимаете последнее предложение рассказа?

Максимальный балл – 70 баллов

Елена Долгопят
Рождественский рассказ

Без четверти час Алексей Степанович поднялся со скамейки и отправился к эскалатору. Ему казалось, что он невидим. Люди обнаруживали его только при столкновении.

– Простите.

– Ничего.

Метро к Новому году не украшают, не развешивают серебряные гирлянды и стеклянные шары, не пахнет в метро снегом и мороженым, оттаявшими елками, воском, праздником. Метро – суровое место. Грохочут поезда, сквозняки раскачивают люстры на тяжелых цепях... Говорят, раньше в метро были буфеты с шампанским и черным шоколадом, но не прижились.

Эскалатор вынес Алексея Степановича из-под земли. На улице было темно от тающего снега, ветрено. Алексей Степанович поднял воротник старого драпового пальто и побежал через скользкую дорогу в подворотню. В стене была железная дверь. Он взялся за ручку.

Дрожащий Алексей Степанович очутился в теплых потемках и перевел дух. Уже не спеша он поднялся на пять ступенек, отворил вторую дверь и очутился в светлом маленьком вестибюле. Вахтер за столом читал газету и курил. Сизый дым поднимался.

– Добрый день, – сказал Алексей Степанович.

– Добрый день, – откликнулся вахтер и стряхнул пепел в жестянку из-под кофе. – В гости к нам?

– Да вот.

На столе у вахтера стоял не виданный Алексеем Степановичем приемник. Большой, деревянный, со стеклянной шкалой, за которой мерцал зеленый свет. Вахтер повернул черную ручку, и приемник тихо заговорил. Алексей Степанович вызвал лифт и сказал:

– Какой у вас приемник.

– Не видал такой?

– Нет.

– Мало жил.

Не так уж и мало, – подумал Алексей Степанович, глядя на себя в зеркальную стену лифта, – с другой стороны – все еще впереди.

Алексей Степанович вздохнул, опустил воротник и расстегнул тяжелое пальто. Снял кепку. Лифт встал.

На дерматиновых дверях была надпись: "Посторонним вход воспрещен". Алексей Степанович отворил двери и вошел в темный узкий коридор. Пахло ванильными булочками. За столом у стены несколько человек пили кофе.

– Привет, – сказал Алексей Степанович.

– Привет, – ответили они.

– Лешенька! – воскликнула немолодая маленькая женщина. – У нас сливки есть сегодня. Садись.

Алексей Степанович снял пальто и перекинул через спинку свободного стула. Озябшими руками он взял горячую чашку. Он ничего не говорил, его ни о чем не спрашивали. И опять он представлял себя невидимкой, слушающим не касающиеся его разговоры.

Говорили примерно вот что: ну вот и закончился год, и завтра будем уже встречать новый, надо приготовить что-нибудь необычное, салат из курицы с грибами. На работу выходить десятого. Десять свободных дней – это прекрасно, можно поехать на дачу и жить там, топить печь, ходить на лыжах. Звонил где-то телефон. Время шло. Из-за стола вставали и уходили.

За столом остались Алексей Степанович и немолодая женщина.

Алексей Степанович встретился с ней глазами.

– Как твои дела, Лешенька?

– Ничего.

– Нашел что-нибудь?

– Ничего.

– А искал?

Алексей Степанович промолчал.

– Кофе еще будешь?

– Пожалуй.

– С утра ничего не ел, я думаю.

– У вас как дела, Надежда Васильевна?

– Ничего. Петька четверть с двумя тройками кончает. Зрение у меня все хуже. Говорят, скоро еще сокращение будет. Теперь я – первый кандидат... Знаешь, Лешенька, – сказала она вдруг совсем тихо, и Алексей Степанович поднял глаза. Они были совсем одни в темном коридоре. Из приоткрытых дверей падал свет.

– ... Мы ведь с тобой последний раз видимся в этом году. И потому давай выпьем за новый, хотя бы кофе выпьем. Я тебе скажу пожелание. Чтобы ты нашел себе хорошую работу, а для этого надо ее искать, надо, Лешенька, что же делать, надо ходить, думать, действовать. Скажи по чести, ты хоть куда-нибудь обращался за этот месяц?

Дома не знали, что Алексея Степановича сократили. Он вставал, как обычно, в пять тридцать. Он любил вставать, когда все в доме еще спят, даже в выходные дни. Ополоснув ледяной водой лицо, ставил чайник. Варил геркулес в маленькой кастрюле. В шесть пятнадцать включал радио, подводил часы. Радио будило мать и сына, пятилетнего Ванюшку. Они шли сонные к нему на кухню. Он заваривал пузатый чайник, ставил каждому чашку. Кашу они не ели в такую рань, а чай свежий за компанию с ним выпивали. Ванюша с молоком, а мать так, без сахара, разлюбила к старости сладкое.

Когда Алексей Степанович уходил, они глядели ему вслед в окошко.

Он оборачивался и махал им рукой.

Зима была сумрачная. Алексей Степанович заходил в магазины, в большие магазины, теплые. Заглядывал в витрины. Когда уставал, спускался под землю и там сидел до без четверти час, подобрав длинные ноги. Ему бы просидеть так лет пять и выйти, когда все уже о нем позабудут. Он был никто, нигде не значился, он был свободен.

Он сидел и упорно думал о себе. Был он уже не молод, но еще не стар. Он мог еще выучиться какой-нибудь профессии, например, водить машину, как мечтал когда-то школьником в Чите. Ванюшке бы это понравилось. А мог бы одолжить денег у Надежды Васильевны и выучить немецкий язык и переводить с немецкого страшные готические романы. Мать была бы первая читательница. Можно даже поступить в институт и стать студентом, а по вечерам грузить на Москве-сортировочной вагоны.

- Кто я? что я могу? – Алексей Степанович кусал губы. – Я даже плавать не умею, только ходить. Я не знаю нотной грамоты, я не могу ответить сыну, как устроен мир.

Горькие были мысли, невозможно было выйти из их круга.

Сынок рисует, а мне запах краски нравится, мне бы попробовать тоже рисовать...

В обеденный перерыв он приходил на свою прежнюю работу. Пил с прежними товарищами кофе. Они расспрашивали, как дела, давали советы, телефоны знакомых, глядели сочувственно, виновато, отстраненно и – осуждающе. Он должен был уже что-нибудь предпринять.

Расходились по рабочим местам. Он сидел еще некоторое время в темном коридоре. Вставал, мыл посуду, стряхивал крошки с клеенки, одевался, уходил, мотался по Москве до шестичасовой электрички.

– Куда сейчас? – спросила Надежда Васильевна.

– Куплю чего-нибудь к празднику. Ванюшке книжек с картинками, хорошей бумаги для рисования и машину, чтобы дверцы открывались, а колеса – на резине, матери жилет посмотрю шерстяной.

– Деньги-то есть?

– Под сокращение много дали.

– Могу одолжить.

– После, Надежда Васильевна, дай вам Бог здоровья. и альбом для рисования Ванюшке и машину на резиновом ходу.

Народ был кругом праздничный, бойкий.

Не видимый никому Алексей Степанович вышел на площадь Ярославского вокзала. Зимние дни коротки, пришла уже ночь.

Топтались у табло старухи со страшными лицами, шептали в уши:

– Водочки не желаете, молодой человек?

В темноте было плохо видно, и Алексей Степанович подошел к табло вплотную. Про его электричку не было сообщения. Он протиснулся к доске объявлений. Ничего не разглядел, и тут сказали по громкоговорителю, что его электричка отменяется.

Алексей Степанович побрел с двумя сумками вдоль платформ. На последней готовился к отправлению скорый поезд. Горели в вагонах желтые огни, из печей шел дым. Падал мокрый тяжелый снег, и Алексей Степанович спрятался под навес на платформе.

Он купил зачем-то апельсины. Матери – четыре мотка шерсти на жилет; гуашь. Поезда были чистые, синие, окна – с белыми занавесками.

Фирменный поезд. "Москва – Чита". У Алексея Степановича заняло сердце. До следующей электрички был час. Ноги дрожали от усталости, руки с сумками окоченели. Проводницы не было у открытых дверей. И Алексей Степанович, оглянувшись, вошел в вагон.

Купе проводников было заперто. От титана шел жар. В коридоре лежала чистая узкая дорожка. Алексей Степанович отряхнул ноги и пошел по ней.

Он вошел в последнее купе и сел на мягкое сиденье у окна. Сумки поставил рядышком. В вагоне было так тепло, так тихо, что самому не хотелось шевелиться. В вазочке на столе стояла хвойная ветка.

Из коридора слышались голоса, грохот поклажи – начали входить пассажиры. Как будто Алексей Степанович сидел в потайной пещере. Время шло, а он все был один. Обогрелся. Даже снял кепку и положил на колени, то есть – пошевелился. В окно он видел темную платформу, свет фонарей, подвижные тени людей. Хорошо быть пассажиром.

Стучат колеса, катит поезд, земля летит, а ты закрываешь глаза.

Чьи-то шаги приближались. Алексей Степанович замер. Полуоткрытая дверь откатилась, и в купе вошел большой, в куртке нараспашку, человек. Он был похож на летчика-героя из старого фильма.

Поздоровался, поставил сумку на сиденье у стены, скинул куртку, достал из кармана джинсов белый платок и вытер лицо. Он сел напротив Алексея Степановича, расставив ноги, и – как будто задумался. Дышал он шумно, как после бега. Одет был удобно, чисто, выбрит – гладко и еле слышно пах хорошим одеколоном.

– Далеко вы едете? – спросил он вдруг Алексея Степановича.

– Да, – сказал Алексей Степанович.

– Храпите?

– Нет.

– Шампанское любите?

– Не особенно.

– Ну вот здравствуйте! Как же Новый год без шампанского? Неужели не выпьете за встречу один бокал? Или вы водку предпочитаете?

– Лучше шампанское.

– Слава Богу. Вы не болтливы, кажется?

– Да вроде.

– Других слушать любите? Некоторые очень любят разные истории слушать в поездах.

– Не знаю.

– Ну посмотрим. А в общем, вы, по-моему, идеальный попутчик.

Давайте представимся. Я – Константин Григорьевич, журналист.

– Алексей Степанович, безработный.

Они пожали друг другу руки.

– Москвич?

– Почти.

– То есть?

– Недалеко от Москвы живу.

– А в Чите у вас кто?

– Все. – Алексей Степанович опустил глаза, не желая больше говорить.

Журналист понял. Он вынул из сумки очки, пачку газет, маленький приемник, шампанское. Приемник и шампанское поместил на столе. Надел очки, развернул газету... За несколько минут он стал приятен Алексею Степановичу. Алексей Степанович мог думать в его присутствии о своем.

Когда-то, тридцать лет назад, действительно были все в Чите, и мать, и отец, и приятели, и сам он там был тридцать лет назад.

Журналист перевернул страницу и сказал:

– Ну вот.

Алексей Степанович поднял голову. Платформа за окном медленно и тихо уходила назад. Алексей Степанович как будто совсем потерял силы быть реальным человеком, будто все происходило не с ним, как будто не он сидел незаконно в скором поезде.

Поезд набирал скорость. Алексей Степанович сидел неподвижно и глядел в окно. Уже Москва-третья осталась позади. Колеса загрохотали – поезд гнал. Через полчаса он проскочит полустанок, где в маленькой квартире ждут Алексея Степановича мать и сын.

В купе вошла проводница в черной форме.

– Ваши билеты, граждане.

Алексей Степанович не шевелился. Журналист достал свой билет из синего джинсового кармана.

– Возьмите, голубушка. Чаем нас будете угощать?

– Обязательно. Постель брать будете?

– Как вас зовут, милая?

– Оля.

– Постель будем брать, Оленька. Меня Константином Григорьевичем зовут.

– Очень приятно.

Проводница смотрела на Алексея Степановича.

– Я без билета, – сказал Алексей Степанович.

– Что? – не поняла проводница.

– Так получилось. Но я могу купить. Прямо сейчас.

– Я билеты не продаю, – хмуро сказала проводница, – я сейчас бригадира вызову..

– Голубушка, – вмешался вдруг журналист, сквозь очки с большим интересом наблюдавший за Алексеем Степановичем. – Вы можете связаться со следующей станцией и заказать ему билет.

– Все-то вы знаете.

– Я должен все знать. Давайте деньги, – приказал он Алексею Степановичу, и Алексей Степанович поспешно вынул из внутреннего кармана пальто кошелек.

Отсчитали на билет до Читы.

– Постель брать будете?

– Да.

– Чай?

- Да.
- Бригадиру я все равно должна доложить, – сказала она журналисту.
- Докладывайте, – улыбнулся журналист, – что ж делать.

Проводница поднялась.

– Простите, – тихо сказал Алексей Степанович, – а телеграмму можно послать? Со станции.

– Конечно, – сказал журналист.

Текст телеграммы был следующий: "НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ВЫНУЖДЕН ЕХАТЬ ПОЗВОНЮ АЛЕКСЕЙ".

Алексей Степанович не видел, как проскочили его полустанок.

Когда проводница вышла, поезд подходил к Загорску.

До Читы ехать четверо с лишком суток. Через Оку, Волгу, Енисей, Обь. Через леса, степи, горы, мимо озера Байкал, самого глубокого в мире.

Иногда они с журналистом выходили из теплого вагона и поражались чистоте снега и воздуха. Покупали у старух на полустанках горячую картошку и соленые огурцы. Картошку старухи держали в кастрюлях, укрытых в теплые одеяла.

И вот поезд ехал среди зимы, а они сидели в купе друг против друга и ели горячую с дымом картошку. Проводница приносила чай в граненых стаканах в подстаканниках, приемник говорил по-английски, – журналист учил язык, читал английскую книжку с видами старинного Лондона, иногда вслух. Алексей Степанович понимал мало. С другими пассажирами Алексей Степанович не знакомился.

На четвертые сутки, к ночи, когда уже зажегся в купе синий сумрачный свет, и они забрались под теплые одеяла, Алексей Степанович спросил:

– Вы в Чите давно были?

– В прошлом году.

Алексей Степанович молчал.

– Спите? – спросил журналист.

– Нет.

Поезд шел ровно.

– Город как город, – сказал журналист. – Сопки. Вы где там жили?

– В центре. Напротив танка.

– Танк стоит.

Алексей Степанович молчал, и журналист закрыл глаза. Алексей Степанович долго не мог уснуть.

Прибыли к вечеру.

В Москве все темно в этот час, а здесь светло от чистого снега. И прожектора на вышках горели ярко. Поезд встал у первой платформы. Алексей Степанович был уже одет и готов к выходу.

Журналист искал очки. Они лежали на верхней полке под светильником.

– Ну что ж, – сказал журналист, спрятал очки и взял сумку.

Алексей Степанович посторонился.

– Не ждите меня.

– Что такое?

– Я позже.

– Ну что ж, – журналист поглядел на Алексея Степановича и вышел из купе.

Обернулся:

– До свиданья.

– До свиданья.

Полная тишина воцарилась в вагоне. Тогда Алексей Степанович взял свои сумки (апельсины все были съедены).

Он прошел пустым коридором по узкой дорожке. В отворенные двери шел морозный воздух и звуки: невнятный голос диспетчера, гудок машины, дальний ход поезда, женский смех. Алексей Степанович спустился по железным ступеням, прыгнул, поскользнулся на льду, упал.

Он очнулся в воздухе. Заплакал. Его поставили на обледеневший асфальт.

Мужчина в железнодорожной форме сел перед ним на корточки, заглянул в глаза.

– Ну ничего, подумаешь, до свадьбы заживет. Покажи-ка лоб.

Его прикосновение было горячим.

– Где ты живешь? Где твои родители?

Мокрое от слез лицо жгло на морозе.

– Проводить тебя до дому?

– Нет. – Он вытер нос рукавицей.

– Ты уверен?

– Я рядом живу. Я здесь всегда гуляю.

Будто во тьме самой глубокой памяти вспыхнул свет, и разом выступил весь этот город, и каменная мрачная гостиница, и вкус сладкого печенья в ее буфете, и молочный магазин на углу, и стеклянные бутылки в проволочных ящиках, и лицо продавщицы за витриной, и этот сквер, и весь в серебряном инее танк на огромном, как скала, постаменте, и тополь у ворот, и этот дом, и этот узкий, как колодец, подъезд с жаркими чугунными батареями под замерзшими окнами.

Дверь. Звонок. "Мама!"

Уже пришли первые гости. Мать поставила на стол лимонный пирог.

Отец курил на балконе с Федором Николаевичем. Их длинные шинели висели в прихожей. У окна под самый потолок стояла елка. Алеша еще не знал, что это не елка, а молодая сосна. На макушке горела звезда, горели цветные лампочки, сверкала серебряная мишура, стеклянные шары, грецкие орехи в золотой фольге...

– Утром под елкой будут подарки, Дед Мороз приходит ночью, когда дети спят. – Мать уводила его в спальню... Он не хотел уходить ото всех, капризничал. Постель уже была разобрана. Мать уложила его, поцеловала. От нее пахло вином. Вышла, прикрыла дверь. Стало темно и тихо.

Алексей Степанович был сам собой и этим мальчиком одновременно, но мальчик не знал о его существовании. Мальчик должен прожить тридцать лет, чтобы узнать.

- Тридцать лет, – думал Алексей Степанович, – за эти годы я что-нибудь придумаю.

Вариант 2

Внимательно прочтите стихотворение и дайте его целостный анализ. Определите тему и идею предложенного произведения, охарактеризуйте его сюжетно-композиционные, ритмические и языковые особенности. Какой основной художественный прием лежит в основе этого стихотворения? Как вы понимаете заключительные строки стихотворения?

Максимальный балл – 70 баллов

И тьма грозы, и света всхлип, и снова
об ветер в муке бьётся мокрый куст,
как Лермонтов, не находящий слова,
косноязычен и молниеуст.

И метрах в трёх от тяжких эшелонов
тоскливый взгляд сквозь сердце пролетит
там беззащитно, как Андрей Платонов,
обломанная яблоня глядит.

И двойствен мир. И это – не подмена.
И в Комарове властвует весна,
а в стороне, прекрасна и надменна,
стоит она – Ахматова, сосна.

Не камень, а живая жизнь – святыня.
Душа не расточается во тьму.
Моя страна отныне не пустыня.
И я вам объясняю, почему...

Сергей Белозеров (1948-2002)

Критерии оценки аналитического задания

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических, орфографических, пунктуационных ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Вам, конечно, известно такое явление, как fan fiction («любительское сочинение по мотивам популярных оригинальных литературных произведений, произведений киноискусства, комиксов» и т.д.), по определению Википедии). Одним из видов фанфиков является фанфик-кроссовер, сводящий в одном тексте персонажей разных произведений. Нечто подобное существует и в «высокой» литературе (диалог Кармен и Дон-Жуана у Цветаевой, например). Кого из персонажей русской и европейской литературной классики вы хотели бы «познакомить»? О чем они могли бы говорить? Придумайте и опишите подобную встречу.

Время работы – 1,5 часа.

Максимальный балл – 30 баллов

Критерии оценки творческого задания

Задание должно выявить творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи. Ученик выступает здесь в необычной для себя роли, что требует филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса. И фантазии, конечно!

Задание оценивается по следующим критериям:

1. Цельность, композиционная стройность созданного текста; понимание поставленной задачи и умение работать в предложенном направлении.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

2. Свежесть идеи, остроумие, оригинальность замысла.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 - 7 – 10

3. Адекватность и точность выбора языковых средств для выражения собственной мысли.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

4. Связь с избранными для творческого задания текстами, соответствие внешности, поведения, речи героев тексту-источнику, эпохе, авторскому замыслу.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Максимальный балл за задание – 30

Итого за работу в целом: максимальный балл – 100 баллов

Бланк. ответов

1. Предложенное нам для анализа произведение является стихотворением Сергея Белозёрова. Оно написано почти-слепым зрением с помощью компьютерной программы.

Стихотворение состоит из четырёх строк и имеет линейную композицию. Автор в нём автор раскрывает пейзажную и патристическую тему.

В первом четверостишии поэт употребляет картины природы, а именно грозу. Используя многообразие и конкретные в первом стихе, Белозёров создаёт интересную картину природы о стихии. Автор сравнивает "мокрой кусок" с М.Ю. Лермонтовым. Поэт проводит параллель между образами: как увеселитель был ищет для совершеннейшей власки, так решение под влиянием буквальных элементов природы, в шуме "белого".

Далее, во второй строке, Белозёров сопоставляет Андрея Пластова и "облачную обложку". Этот писатель часто раскрывал в своих произведениях тему войны и был знаком с ними не только так, как был военным корреспондентом. Мне кажется, именно поэтому Белозёров использует сравнение Пластова с деревом, находящимся "в шуме" в шуме он точный эпитет.

В третьей строке автор стихотворения описывает весну, описывая её двойственность: голый серый пейзаж становится полной яркостью наступившего времени года. Но поэт описывает весну, которая стоит "в стороне". Это дерево он называет Ахматовой, видя в её описательности он её об-ществу изменяет, так как поэзия была именована власки в стране не изменяла своих патристических взглядов и выка-ла в творчестве своё настроение.

Автор в стихотворении "Что же гроза, и света ведали, и снова..." для реализации своей задумки часто использует олицетворение ("белое мокрый кусок", "облачная обложка", "власкивет весна", "душа не расхолащивается"), а также особенно сильно композицию является сравнение на протяжении всего произведения картины природы с русскими классиками.

Так, автор, сопоставляя пейзаж и человека, показывает его неординарность от природы. В последнем четверости-шии автор Белозёров всегда улавливает основную идею стихо-творения - произведение искусства, именуя, замечательного

творцами на сцене...
то если не исчезнет бесследно, а является действительным
сиротой, возмездием Благород говорит, что она «шляпки не
нужно».

2. Если бы мне представились возможности «поукачать»
персонажей русской и европейской литературной классики,
я бы выбрала героев французской литературы «Убейте графа Эдмунда»
Дэниела Дефо и «Собака сердце» М.А. Булгакова.

Тематика французской прозы: в обеих описывается вражда
между индейцами. Так, в романе «Убейте графа Эдмунда»
изображен охотник по имени Уильям Уильямс человек и живот-
ного. А во втором эксперименте вражда между * карно с задер-
жками французскими по имени Чарли Гордон и индейка Эдмунда
преобразована в «Собака сердце» М.А. Булгаков показывает как
преобразована история со своим персонажем Эдмунда
показывает образ персонажа с бесчеловечным характером и живот-
ными инстинктами, но разумом человека.

Так, я считаю, преобразованный мой персонаж
в какой-нибудь персонаж с персонажами Ренаром и Утрауссом
я уверена, эти персонажи займут место друг друга. Думаю
это бы бы полезный диалог для обеих сторон. Сначала вражда
мы обсудить свои охоты, поделимся бы методами и секрета-
ми проведения охоты. В ходе разговора мы, возможно решим
проблему, возникшую во время экспериментов, укажем на недуги
~~ошибки~~ друг друга. Почему, может быть, персонажа даже смер-
ти бы придумать какой-то новый охоты для совместной работы.

А может, всё-таки осознать из рассказов собеседников свои ошиб-
ки, замечая что-то в попытке изменить природу.
Таким образом, я думаю, что такая встреча была бы
полезна героям обеих французских, ведь даже если мы не найдем
аналогичность своим персонажам, то хотя бы всё равно сможет
сознание в правильно свои свои действия.